

УДК: 330.858

DOI: 10.5281/zenodo.15072893 <https://zenodo.org/record/15072893>

EDN: GLWXFC

ПРОТИВОРЕЧИЯ ИСХОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА: ПОЗИЦИЯ ШКОЛЫ ЦАГОЛОВА–ЧЕРКОВЦА

Колганов Андрей Иванович¹

Доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (onaglo@mail.ru), (ORCID: 0000-0003-2223-7538)

Худокормов Александр Георгиевич²

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (akhudo52@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7901-2108)

Ключевые слова: *исходное производственное отношение, планомерность, предпосылки социализма, социальное расслоение, противоречия*

Для цитирования: Колганов А.И., Худокормов А.Г. Противоречия исходного экономического отношения социализма: позиция школы Цаголова-Черковца // Вопросы политической экономики. 2025. № 1(41). С. 65-79.

CONTRADICTIONS OF THE INITIAL ECONOMIC RELATION OF SOCIALISM: THE POSITION OF THE TSAGOLOV SCHOOL

Andrey I. Kolganov

Doctor of Economics, Chief of the Laboratory of the comparative studies of socio-economic systems, Lomonosov Moscow State University, Economic Faculty, Moscow, Russia, (onaglo@mail.ru), (ORCID: 0000-0003-2223-7538)

Alexandr G. Khudokormov

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of History of National Economy and Economic Studies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (akhudo52@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7901-2108)

Keywords: *initial production relation, planning, prerequisites of socialism, social stratification, contradictions*

For citation: Kolganov A.I., Khudokormov A.G. Contradictions of the initial economic relation of socialism: the position of the Tsagolov school. Problems in Political Economy. 2025;1(41):65-79.

JEL codes: B24, B51, P26

¹ © Колганов А.И., 2025

² © Худокормов А.Г., 2025

В 1970-х годах разгорелась дискуссия об исходном экономическом отношении социализма. По этому вопросу сложились три позиции. Исходным экономическим отношением социалистического общества провозглашались:

- общественная собственность на средства производства (фактически – национализация). Так считало большинство советских экономистов;
- коллективность (позиция И.И. Кузьмина и кафедры политэкономии АОН при ЦК КПСС);
- планомерность или планомерная организация общественного производства (ПООП): позиция школы Цаголова-Черковца и кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ.

В ходе дискуссии на эту тему некоторыми ее участниками предлагались еще и такие варианты, как непосредственно-общественный продукт (по аналогии с товарным продуктом в «Капитале») и непосредственно-общественный труд.

Концепция планомерности воспринималась многими критически. Так, Я.А. Кронрод назвал ее «бессодержательной». В более позднем учебнике по истории экономических учений профессор Ольсевич Ю.Я. утверждал, что вся дискуссия об исходном отношении социализма носила схоластический характер.

Хорошо помнится, что В.Н. Черковец тогда очень обиделся на подобную оценку: как можно дискуссию о начале науки считать схоластической. Обида Виктора Никитича понятна. Но доля истины в негативных оценках Я.А. Кронрода, Ю.Я. Ольсевича и других экономистов все же была.

Известно, что в «Капитале» К. Маркса исходное отношение капиталистического способа производства (товар) начинает движение к более сложным и богатым содержанием отношениям и категориям (деньги, капитал и т.д.). Почему получилось у Маркса? Потому что он вскрыл источник движения – противоречия труда, заключенного в товаре. А наши экономисты насчет внутренних противоречий ПООП больше молчали, вынужденно обходили этот вопрос. Помню, что профессор Ф.Я. Полянский на одной из конференций заявил: противоречия социализма, конечно, существуют. Но зачем нам о них заботиться?

Профессор Н.В. Хессин, когда мы спрашивали его о внутренних противоречиях планомерности, смущенно улыбался. Единственное, что он разрешал себе говорить по этому поводу: противоречия ПООП – это противоречия между центром и периферией. В «Курсе политической экономии» под редакцией Н.А. Цаголова фактически рассматривался и такой вариант, как противоречие: между плановым централизмом и хозрасчетной самостоятельностью предприятий. Но дальше констатации факта несовпадения общих и групповых интересов, которое как будто бы преодолевалось через хозрасчет, как способ обеспечения материальной заинтересованности в выполнении плана, никто не шел. Концепция кафедры оставалась, таким образом, не доработанной и мало наполненной социальным содержанием.

Между тем мировая экономическая мысль, если брать существо дела, а не только формальные высказывания, приходила к выводу, что противоречия внутри ПООП – это противоречия между теми, кто управляет и теми, кем управляют. К сожалению, этот аспект проблемы развивали в основном диссиденты марксизма, то есть те, кого мы называли тогда ревизионистами.

М. Джилас (Югославия), О. Шик (Чехословакия), Р. Гароди (Франция) полагали, что противоречия между управляющими и управляемыми привели к формированию в СССР не социализма, а государственного капитализма. Бывший член СЕПГ Р. Баро (R. Bahro) выдвинул концепцию советского «протосоциализма» – социализма в зародышевой форме, наследника азиатского способа производства. В соседнем Китае в 1960 – начале 1970-х гг. активно обсуждалась проблема «обуржуазивания» советской элиты.

Эти и другие концепции исходили из того, что внутренние противоречия советского социализма и планомерной организации общественного производства – это уже нечто большее, чем противоречия между высшими управляющими и управляемыми. Диссиденты марксизма считали, что противоречия внутри СССР это уже конфликты между классами с противоположными интересами.

Методологическое наследие школы Цаголова-Черковца, усвоенное нами, обязывает использовать его для того, чтобы постараться решить те проблемы, перед которыми остановились наши учителя. Необходимо не просто констатировать наличие противоречий в советском обществе, а дать им научную оценку с точки зрения понимания реальных процессов формирования исходного производственного отношения социализма. Не соглашаясь с оценками, провозгласившими классово-антагонистический характер советского общества, мы должны все же заметить: сложившиеся в СССР отношения между высшими управляющими и рядовыми гражданами были отношениями существенно не равных социальных слоев. Наши высшие управленцы активно использовали собственную привилегированную позицию в общественной иерархии. Правда, не в плане наследования собственности на средства производства, но в плане очень существенных преимуществ в потреблении. И со временем эти преимущества не только не ослабевали, но и усиливались. Высшие управляющие СССР устроили для себя особое привилегированное снабжение, особые жилищные условия, особое медицинское и санитарно-курортное обслуживание, особую систему транспорта и т.д., и т.п.

Хотя это разделение возникло далеко не сразу, и его формирование было постепенным, но первые его проявления обозначились довольно быстро. Условия гражданской войны и «военного коммунизма» сделали величину заработной платы далеко не самым важным фактором дифференциации доходов. Различия в социальном статусе проявлялись главным образом через различные служебные привилегии в натуральной форме: возможность получения хорошего продовольственного пайка, получение в пользование квартиры, дачи, телефона, автомобиля.

Коммунистическая партия, складывавшаяся из борцов за утверждение нового общественного строя, переживала раскол, гораздо более глубокий, чем раскол с любой из возникавших оппозиционных группировок. Произошло размежевание бывших товарищей по партии на «рядовой» и «руководящий» слои, которые заметно отличались друг от друга по своему объективному положению в системе общественных отношений. Такое расхождение почувствовалось сразу и переживалось весьма болезненно. Типичный пример приводит историк Д.О. Чураков: «Критикуя на одном из заводских собраний новое «советское» руководство своего предприятия, работница ткацкой фабрики Раменского района Таптыгина, делегатка Всероссийского женского съезда, так передавала отношение рабочих к подобным явлениям: "Только те коммунисты, – говорила она, – которые живут с рабочими

в спальных корпусах, а которые в особняки убежали, это не коммунисты. Это уже не коммунисты, которые едят у себя: без доклада не входить"»³.

Сначала система привилегий в годы гражданской войны формировалась в неупорядоченном виде, когда должностные лица захватывали особняки, проводили конфискацию автомобилей у представителей прежних господствующих классов и т.д. Однако этим занимались не все партийно-государственные работники, и размах таких самоприсвоенных привилегий не всегда зависел от должностного ранга, а больше от персональной склонности к стяжательству и самоуправству. Но уже тогда стала формироваться особая система снабжения для высших должностных лиц, оправдывавшаяся соображениями безопасности.

В конце гражданской войны и с переходом к НЭПу опасность разрыва между рядовой партийной массой и руководителями на почве привилегий (особенно незаконных и связанных с влиянием буржуазной и мелкобуржуазной среды) начала осознаваться, и была провозглашена борьба с так называемыми излишествами.

Партмаксимум – установление ставок работников партийного аппарата в соответствии с 17-разрядной тарифной сеткой, утвержденной ВЦСПС – был введен по решению XII конференции РКП(б) в августе 1922 года (Резолюция XII конференции РКП(б)..., 1984, с. 595-598). Он устанавливал предельные величины оплаты труда членов партии, и плюс к этому привязывал заработок коммунистов – хозяйственных руководителей к средней заработной плате на их предприятии (их оклад должен был составлять от 100 до 150% от средней зарплаты)⁴. XII партконференция все же сохранила некоторые привилегии для 15 тыс. ответственных работников, что касалось предоставления жилплощади, медицинского обслуживания и возможностей образования для их детей. Величина партмаксимума сначала составляла 175 рублей в месяц. Для сравнения: рабочий зарабатывал в среднем около 50 рублей в месяц, и даже на тяжелой шахтерской работе заработок составлял примерно 90 рублей (Колганов, 2022, с. 74-84). Беспартийные же специалисты могли получать так называемые спецставки в два-три раза больше, чем коммунисты.

Что же касается т.н. излишеств, то решения партийных съездов и конференций, направленные на борьбу с ними, фактически не исполнялись. Уже на XV съезде в 1927 году Емельян Ярославский вынужден был заметить: «У нас очень много всякого рода разговоров об излишествах, но настоящей борьбы с излишествами иногда нет. Нет борьбы с такого рода явлениями, которые показывают, что чужое прокрадывается иногда в нашу партию» (XV съезд ВКП(б)..., 1928, С. 499). Но эта общая постановка вопроса повисла в воздухе, не получая никакой конкретизации.

Значительный сдвиг в сторону фактического отказа от политики сокращения разрыва доходов между рядовыми и руководящими работниками произошел в 1929–1932 годах. Продовольственный кризис вынудил к введению карточной системы и к созданию различных закрытых систем распределения, которые должны были снабжать рабочих важнейших предприятий и материально стимулировать передовиков производства. Однако закрытые кооперативы и закрытые распределители были созданы в первую очередь при партийных и государственных учреж-

³ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 168. Л. 82-83. См. также: Новый путь. 1918. № 6-8. С. 21; Цит. по: Чураков Д.О. Исторические судьбы самоуправления в России и современность / Образовательный портал «Слово» <http://www.portal-slovo.ru/history/35388.php> (дата обращения: 20.12.2024).

⁴ «Сталинское неравенство». Сайт «Враг капитала». URL: <http://www.1917.com/History/I-II/rmZH0i30fE-kZSDSDxKo7uOw3aNg.html> (дата обращения: 15.11.2024).

дениях, и даже те из них, которые были созданы при предприятиях, фактически превратились в кормушки для номенклатуры.

На XVII съезде ВКП (б) А.И. Микоян заметил, что система «закрытых распределителей создает благоприятную обстановку для бюрократизма и злоупотреблений» (XVII съезд ВКП(б)..., 1934, с. 184). Он показал также, в чью пользу оборачивались эти злоупотребления: «... Всякие прихлебатели отнимали по существу у рабочих огромное количество предназначенных им продуктов, – они примазывались к снабжению важнейших заводов, и это привело к тому, что закрытые распределители, организованные специально для рабочих, обращались иногда против них» (Там же, с. 183). Розалия Самойловна Землячка заговорила даже об извращении классового существа закрытых распределителей (Землячка, 1931, с. 34), но последствий вся эта критика не имела.

К тому моменту бюрократия смогла практически размыть различные меры «контроля снизу» и беспрепятственно начать присвоение дополнительных привилегий, прикрываясь демагогией о борьбе с «мелкобуржуазной уравниловкой». В 1931 году Сталиным были сформулированы «шесть условий» подъема промышленности, среди которых было и осуждение «уравниловки». Особая забота Сталина была обращена на «ядро командного состава нашей промышленности», для чего он выдвинул требование «создать им соответствующую обстановку, не жалея на это денег» (Сталин, 1951, с. 67-68).

А 8 февраля 1932 года Политбюро принимает секретное решение об отмене партмаксимума: «Отменить существующую практику ограничения партмаксимумом оплаты коммунистов-специалистов, работающих по специальности как на производстве, так и в управленческих, кооперативно-торговых, планирующих и проектирующих организациях всех отраслей народного хозяйства»⁵.

В 1935 году карточки были отменены, а заодно ликвидированы и потребительские кооперативы в городах, как и закрытые распределители на предприятиях. Но система закрытого распределения при партийных и государственных учреждениях осталась в неприкосновенности, продолжая снабжать номенклатуру. Правда, отмена партмаксимума не сразу повлекла за собой существенное повышение окладов партийных работников. Это повышение, как и создание системы дополнительных выплат сверх оклада («конвертов», выплат на отдых и лечение, обеспечение диетического питания и т.п.) произошло после большой чистки 1937–38 годов. Выдвинувшееся на место репрессированных новое поколение номенклатуры стало жить в уже укorenившихся условиях отмеряемых по рангу привилегий. Политику подкупа привилегиями стали проводить и по отношению к новой «знати» («знатым» рабочим, писателям, ученым и т.п.)⁶.

Если между рядовыми гражданами и управленческим персоналом возникает разрыв в силу их разного положения в системе производственных отношений, то такой разрыв объективно отражается и на распределительных отношениях, и оказывает значительное влияние на политическую систему и господствующую идеологию. Различное положение людей в системе отношений распределения

⁵ О ставках для коммунистов-хозяйственников и инженерно-технического персонала. Приложение № 2 к п. 9 протокола заседания Политбюро № 87 от 8.11.1932 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 871. Л. 3-4, 19-26. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/Final_s/CPSU00078/DIR0005/IMG0006.JPG (дата обращения: 28.11.2024).

⁶ Детальное описание этих процессов можно найти в работе: (Роговин, 1993). URL: <http://trst.narod.ru/rvogovin/t2/xxix.htm> (дата обращения: 08.12.2024).

и потребления выступает при этом как внешнее, видимое выражение различий, складывающихся в системе отношений производства. «Народ и партия едины, но разны наши магазины» – в этой пословице отразилось обыденное мировосприятие разошедшихся путей двух социальных слоев. Неизбежным в таких условиях было не только падение доверия граждан к правящей бюрократии и к официальным лозунгам. Формировалось все более нараставшее расхождение интересов, серьезно влиявшее на те решения, которые лежали в основе разработки и реализации планов развития народного хозяйства.

Равноправие в сфере распределения и потребления недостижимо, если в системе базовых производственных отношений налицо такие различия между людьми, которые носят классовый характер или, по крайней мере, затрагивают некоторые классообразующие признаки. К сожалению, для формирования таких различий имелись серьезные объективные предпосылки, коренившиеся в недостаточных материальных и социально-экономических предпосылках для формирования подлинно социалистических производственных отношений.

Подобный же разрыв возник и в правовом статусе рядовых граждан и руководящих партийно-государственных работников. Стремление руководящих кадров создать себе особое правовое положение обнаружилось уже довольно скоро после революции, когда партийные органы стали выводить из-под судебной ответственности проштрафившихся партийных работников. Известно возмущение В.И. Ленина по поводу таких явлений. «Верх позора и безобразия: партия у власти защищает «своих» мерзавцев!!» – писал он членам Политбюро и выдвинул требование: «...коммунистов суды обязаны карать строже, чем некоммунистов» (Ленин, 1970, с. 53).

Однако фактически сложилась совершенно обратная практика. На XIII съезде председатель ЦКК РКП(б) В.В. Куйбышев вынужден был констатировать, что некоторые контрольные комиссии «брали на себя ответственность за прекращение дел коммунистов в суде», из-за чего «у беспартийных могло получиться представление о безнаказанности коммунистов» (Отчет Центральной контрольной комиссии..., 1924, с. 221). На следующем съезде Куйбышев вынужден был вновь обращаться к этому вопросу (Отчет ЦКК РКП(б)..., 1925, с. 78). Но положение не исправилось и через десять лет. В 1934 году в газете «Правда» Е.М. Ярославский (член Комиссии партийного контроля) вынужден был вновь указать: «коммунист отвечает перед судебными и административными органами советов наравне со всеми другими гражданами» (Ярославский, 1934, с. 3).

Проблема заключалась в том, что все эти требования о строгой ответственности коммунистов и о невмешательстве партийных органов в судебные дела несли в себе изрядную дозу лицемерия. Ведь Политбюро само «задавало тон» в такого рода вмешательстве. Еще 17 апреля 1924 года было принято решение о том, что суды не могут выносить приговоры к высшей мере наказания по политическим делам без санкции Политбюро, а в ноябре того же года для рассмотрения таких дел была создана специальная комиссия Политбюро (Постановление Политбюро..., 2003, с. 94). Фактически эта комиссия рассматривала не только политические дела, и не только приговоры к высшей мере. Пример Политбюро соответствующим образом настраивал и местные партийные органы, несмотря на формальные окрики «сверху».

Такое особое экономическое и правовое положение партийно-государственной номенклатуры не могло не влиять на характер тех экономических отношений, которые формировались в области планомерной организации общественного производства. Эти проблемы, однако, не получали в советский период отражения научных исследованиях. К. Маркс заметил однажды, что Оноре де Бальзак сказал о французской экономике больше, чем все современные ему французские экономисты вместе взятые. Нечто подобное частично имело место и в нашей стране. Так, многие проблемы советского сельского хозяйства точнее всего отражались не в учебниках политэкономии, а в произведениях советских писателей – «деревенщиков» (Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, Б. Можая и др.). Достаточно часто проникала в литературу и проблема сбоев в планомерной организации производства, выражавшаяся в срыве поставок, что порождало феномен «толкачей» – снабженцев, старавшихся всеми правдами и неправдами добиться поставок необходимой продукции.

Проблемы, о которых мы пишем, нашли отражение в таком виде народного творчества, как политические анекдоты. Припоминается один из них: где проходит граница между социализмом, построенным в основном, и развитым социализмом? Ответ: по МКАД. А граница между развитым социализмом и коммунизмом? – По кремлевской стене.

Сложившаяся в СССР жесткая связь начальственной должности с высоким стандартом потребления оказалась крайне опасной для самого реального социализма. Правящая партия КПСС, насчитывавшая к середине 1980-х гг. более 19 млн членов, быстрыми темпами превращалась в партию карьеристов и любителей обеспеченной красивой жизни, недоступной обычным гражданам.

Замедление социально-экономического развития, растущий эгоизм правящей элиты, нарастание кастовости в механизме воспроизводства слоя руководящих работников, контраст усугубляющегося дефицита на потребительском рынке с существованием замкнутой системы гарантированного снабжения партийных и государственных чиновников, ширившаяся коррупция и участие руководителей различных рангов в подпольном бизнесе, фактически прекратившаяся сменяемость высших руководителей, продолжавших занимать свои посты до самой смерти даже при очевидной утрате дееспособности («геронтократия») – все это подрывало доверие к официальной идеологии, вело к разочарованию в социалистических и коммунистических идеалах. Последние в глазах населения все больше и больше стали выступать как демагогическое прикрытие привилегий бюрократической касты. Бюрократия оттолкнула тем самым от себя тот единственный массовый социальный слой, который служил опорой ее власти. И когда эта власть зашаталась, бюрократия уже была внутренне готова сменить флаг и окончательно предать своего бывшего союзника. Доллар стал солнцем в ее небесах, а не быстро забытый «моральный кодекс строителя коммунизма», и уж тем более не решения XII партконференции.

Именно в этот период, когда правящая верхушка уже начала всерьез задумываться о том, чтобы не ограничиваться служебными привилегиями и коррупционными доходами, а перейти еще и к массовому частнокапиталистическому присвоению, стала меняться официальная риторика по поводу планомерной организации производства. Если раньше термин «командная экономика» справедливо рассматривался как чисто буржуазная трактовка, исходящая из теоретических позиций не-

оклассического направления, рассматривающего рыночную экономику как единственно нормальную и единственно возможную, а все остальное, трактовавшая как отклонения от нормального хода вещей, то теперь именно эта трактовка была пущена в ход. В статьях и выступлениях замелькали слова о «командной экономике» и «командно-административной системе».

Ученые, воспитанные на научной методологии, не могли согласиться с таким упрощенчеством, вообще отказывавшим ПООП в экономическом статусе, и сводившим ее только к приказам сверху. Вспоминается, как в это время Юлий Яковлевич Ольсевич в полемике с Маршаллом Голдманом объяснил существо разногласий: «Что такое народнохозяйственный план? Вы считаете его комплектом команд. На самом же деле это – программа, которая регулирует отношения, в том числе – отношения между людьми». Однако научный подход уже был отброшен в угоду частным интересам.

Сказанным, по нашему мнению, во многом объясняется та отвратительная легкость, с которой в нашей стране было покончено со всякими ростками раннего социализма.

Кроме того, еще Ф. Энгельс утверждал, что наиболее глубокой причиной образования классов является разделение труда. Если одни слои в обществе только управляют, а другие только выполняют распоряжения управляющих, неизбежно возникают проблемы, о которых мы вынуждены сегодня размышлять. Если высшие статусы в обществе передаются почти по наследству, формируется путь не к растущему социальному равенству, не к отсутствию антагонистических классов, а к чему-то прямо противоположному.

Необходимо ответить на вопрос: почему при формировании отношений планомерной организации общественного производства в СССР произошло глубокое разделение между партийно-государственной верхушкой и остальными гражданами (что наглядно иллюстрируется их различным положением в системе распределения и в правовой системе)? Ответ на этот вопрос стоит искать в первую очередь не в отношениях политической надстройки, которые играют существенную роль (и эта роль заслуживает отдельного изучения), но не являются определяющими, не в правовых отношениях, и даже не в отношениях распределения. Основа социальной дифференциации лежит прежде всего в сфере отношений производства. С точки зрения отношений планомерности это предполагает ответ на вопрос: кто и как решает, что и сколько производить, кому производить, для кого производить? Естественно, отсюда вырастает и вопрос: кто и сколько за это будет получать?

За исключением краткого периода конца 1917 – начала 1918 года, когда решение этих вопросов в значительной мере находилось в руках органов рабочего контроля на предприятиях, возобладала тенденция к отстранению трудовых коллективов и созданных ими органов от участия в решении хозяйственных вопросов. Стоит обратить внимание на то, что передача функций организации производства государственному аппарату в течение зимы – весны 1918 года происходила во многом по инициативе снизу – трудовые коллективы сами зачастую желали переложить ответственность за решение хозяйственных проблем на государство. Эта передача не была полной – в период «военного коммунизма» профсоюзы и фабрично-заводские комитеты сохраняли еще определенное влияние на решение вопросов управления производством, и в том числе – на кадровые решения. Однако пери-

од НЭПа знаменует собой сохранение за представителями трудовых коллективов только совещательных функций.

Некоторый сдвиг в этом вопросе наметился в начале первой пятилетки, но лишь на краткое время, когда возникло такое явление, как встречное планирование. Но практически сразу органы хозяйственного управления поставили его в такие рамки, в которых рабочим дозволялось лишь искать резервы перевыполнения планов, но ни в коем случае не участвовать в корректировке плановых решений, принимаемых вышестоящими органами (Колганов, 2018, с. 168-169). Этим решениям фактически был присвоен статус «папской непогрешимости».

В этот же период произошел кратковременный всплеск инициатив снизу, направленных на участие рабочих в решении хозяйственных вопросов на уровне бригад, цехов, на заводском и межзаводском уровне. Речь идет о создании хозяйственных бригад, работавших на основе договорных отношений с администрацией предприятий, о таких формах, как «общественный буксир», «переключки цехов и заводов», социалистическое соревнование смежников и др. (Там же, с. 162-166). Однако и эти формы низового участия в управлении были очень быстро сведены на нет либо полностью выхолащены.

В процессе формирования плановых заданий первой пятилетки еще велась довольно широкая общественная дискуссия – и в печати, и на съездах плановых органов различного уровня, и в коллегиях центральных плановых органов. Однако к 1930 году всякие дискуссии были прекращены, плановые задания второй пятилетки разрабатывались уже чисто келейно, а обсуждения и дискуссии велись фактически лишь на уровне Политбюро ЦК ВКП(б).

Это не означает, что между партийно-государственной верхушкой и рядовыми гражданами сложилась полная противоположность интересов, противопоставившая их друг другу, и не означает, что при принятии плановых решений интересы рядовых граждан не находили отражения. Однако выдвигавшиеся плановые цели, как и методы их решения, особенно в годы первой пятилетки, значительно расходились с непосредственными интересами рабочих и крестьян. Индустриальный рывок в существенной мере обеспечивался за счет снижения жизненного уровня рядовых граждан. Впоследствии этот подход был скорректирован, и благосостояние населения стало расти, но эта цель так и не превратилась на деле в приоритетную.

В тоже время определенные инструменты учета интересов рядовых граждан в системе принятия плановых решений присутствовали. Речь идет о комплексе плановых нормативов потребления товаров и услуг, на который ориентировалось планирование. Это создавало определенный импульс решения социальных проблем, но данный инструмент не был настроен на точное отображение запросов населения.

Фактический механизм принятия плановых решений можно (вслед за венгерским экономистом Яношем Корнаи) охарактеризовать как «плановый торг» (Kornai, 1980, pp. 54, 105 etc.). Он велся на различных уровнях. На самом верху торг велся между руководителями высших партийных, государственных и хозяйственных ведомств вокруг распределения материальных и финансовых ресурсов и величины плановых заданий. Уровнем ниже торг шел между руководителями министерств и ведомств и администрацией предприятий вокруг тех же вопросов: напряженность

плановых заданий и выделяемые под них ресурсы. На самих предприятиях торг шел вокруг норм, расценок и распределения выгодных и невыгодных работ.

Противоречия между центром и периферией плановой системы фактически выступали как противоречия между теми, кто планировал, и теми, кто должен был исполнять планы. При этом отношения планового управления и отношения материальной заинтересованности в выполнении плановых заданий оказывались относительно обособленными, хотя и взаимосвязанными. Система показателей плана призвана была контролировать выполнение плана, но сама по себе никакой материальной заинтересованности в выполнении плана не создавала. Эта материальная заинтересованность регулировалась через хозрасчетные отношения, имевшие не собственно плановую, а товарно-денежную форму. Материальное поощрение через систему хозрасчета привязывалось к выполнению плана, но имело и собственные основания в виде уровня прибыли предприятия. Хозрасчетные фонды предприятий помогали решать различные социально-бытовые проблемы (строительство жилья, организация летнего отдыха, культурное развитие работников), но оказывались не очень надежно связанными с решением реальных вопросов развития производства. Фактически они больше зависели от статуса, размера и отраслевой принадлежности предприятий, нежели от производственных успехов.

Проблема, над которой билась советская система планового управления, и которую она так и не смогла решить, был поиск такой системы плановых и хозрасчетных показателей, которая исключала бы возможность выполнения плана за счет нежелательных изменений в структуре и издержках производства выпускаемой продукции (например, сдвиг ассортимента в сторону более дорогих, или материалоёмких, или напротив, более простых изделий). Сама нерешенность этой проблемы свидетельствует о том, что не была решена более фундаментальная проблема – обеспечение заинтересованности исполнителей в достижении плановых показателей, спущенных «сверху вниз», то есть преодоление разрыва интересов между верхними эшелонами планового управления, с одной стороны, руководителями и работниками на уровне предприятий – с другой.

Специфической проблемой советской плановой системы был дефицит. Янош Корнаи объяснял его наличием т.н. «мягких бюджетных ограничений», то есть, по существу, отсутствием частного характера производства и соответствующего ему механизма равновесных рыночных цен, балансирующих спрос и предложение. Но плановая система должна была иметь собственный (а не рыночный) механизм балансировки производства и потребностей. Все дело, однако, как раз и было в том, что механизм свободных рыночных цен был сломан, а собственный плановый механизм так и не был сформирован. Сформирована была только часть этого механизма, обеспечивавшая плановую сбалансированность производства и потребностей в укрупненном выражении на уровне основных народнохозяйственных пропорций. А вот механизм балансировки конкретных потребностей и производства конкретных видов продукции, их удовлетворяющих, так и не был создан.

Особенно сильно проблема дефицита ощущалась в тех секторах, где были важны точные конкретные параметры потребляемой массовой продукции (в производстве потребительских товаров) или где сложно было обеспечить точное планирование и учет объемов производства и уровня затрат (строительство, сельское хозяйство).

Вероятно, решение могло бы лежать в области предоставления предприятиям определенной самостоятельности в регулировании отношений между собой и со сферой розничной торговли (а последней – с покупателями), чтобы обеспечить притирку возможностей производства и запросов потребителей. Но советская система не знала форм самостоятельности в рамках отношений планомерности – самостоятельность мыслилась только как расширение сферы товарных отношений. Однако в этом направлении двигаться не желали, опасаясь утраты контроля над хозяйственными процессами и финансовыми потоками. Дело опять упиралось в противоречие интересов между вершиной пирамиды планового руководства и интересами трудовых коллективов и рядовых граждан.

Дефицит порождал такие явления как «черный рынок», незаконное коммерческое посредничество и «толкачи».

Нельзя сказать, что советская экономическая наука полностью закрывала глаза на эти проблемы и негативные тенденции. Однако они подавались как «отдельные недостатки», а их устранение виделось на пути совершенствования деталей сложившейся плановой модели. Поиска фундаментальных оснований этих проблем в характеристиках самой советской плановой модели не велось – либо этот поиск сводился к отказу от плановой модели вообще в духе концепций «рыночного социализма».

Таким образом, если рассматривать планомерную организацию общественно-го производства как исходное производственное отношение коммунистического общества (на его первой фазе), то можно констатировать, что фактически сложившиеся производственные отношения страдали существенной неполнотой. Проблема состояла не в том, что они отклонялись от некоей идеальной модели ПООП, а в том, что фактически сложившиеся отношения планомерности не могли реализовать целый ряд объективно необходимых функций, сочетаясь с разного рода неорганичными для социализма подпорками – как в виде бюрократического администрирования, так и в виде теневой экономики (что было оборотной стороной провалов бюрократического централизма).

Можно предположить, что первоначально такая неполнота развития планомерных отношений, придававшая им не целостный, а переходный характер, была связана с недостаточностью материальных, экономических и социальных предпосылок социализма. В дальнейшем же этот переходный характер закрепился, принял окостеневшие формы, поскольку оказался связан с интересами политически господствующего слоя номенклатуры, и рост материальных предпосылок социализма уже не смог ничего исправить в этом отношении.

Означает ли это, что верна распространенная точка зрения, будто «социалистический эксперимент» большевиков был обречен с самого начала? Ни в коей мере. Слабость объективных предпосылок социализма в СССР делала весьма значительными препятствия на пути социалистического строительства, и повышала вероятность неудачи на этом пути, но отнюдь не делала такой исход фатально предопределенным. Она увеличивала вероятность формирования таких отношений производства, обмена, распределения и потребления, которые, будучи встроены в плановую систему, были на деле неадекватны ей и расшатывали ее изнутри. Однако даже те неадекватные формы ПООП, о которых говорилось выше, сумели продемонстрировать огромный потенциал прогрессивного развития.

Чем дальше уходит от нас эпоха раннего социализма, тем рельефней высветляется главный вклад советского общества во всемирный прогресс. Об этом говорит то огромное влияние, которое оказал советский пример на глубокие социальные реформы капиталистической системы, начавшиеся еще с решения Вашингтонской конференции «великих держав» в 1919 году о переходе к 8-часовому рабочему дню.

В этом же качестве все яснее выступает и победа СССР в Великой Отечественной войне, разгром германского фашизма, освобождение современной цивилизации от коричневой чумы. Ни одна другая система не выдержала бы испытаний, которые выпали тогда на долю нашей страны. Соответственно и в экономике нам помогла победить именно планомерная организация хозяйства, чего не сделала бы никакая страна с рыночно-капиталистической системой хозяйства, даже за счет чрезвычайных военных мер. Гитлеровская Германия, превосходя СССР по производственным мощностям (даже без учета своих сателлитов и оккупированных стран), проиграла нам соревнование в области военного производства (Колганов, 2020, с. 21-35); (Экономика Победы..., 2020). Эта победа во многом предопределила весь облик послевоенного мира, включая такие события, как крах мировой колониальной системы.

Можно перечислять и другие исторические результаты ПООП: успешный опыт долгосрочного стратегического планирования (план ГОЭЛРО), созданная в годы НЭПа система отношений, впоследствии получившая распространение под именем «активная промышленная политика» далеко за пределами СССР, первые пятилетки, обеспечившие (при всех ошибках и издержках) колоссальной значимости рывок – «великую индустриализацию» 1930-х; быстрое послевоенное восстановление; наш выход в космос; паритет с Западом в ракетно-ядерных вооружениях. Но победа в самой страшной войне останется главной заслугой плановой экономики.

Мы бросаем на прошлый опыт ПООП в основном критический взгляд, что совершенно объяснимо – этот опыт вроде бы не увенчался успехом. И, естественно, из этого факта следует извлечь уроки. Но в этом опыте есть и большой позитивный урок – он показал, что даже при совершенно недостаточных предпосылках, при самых неблагоприятных исторических обстоятельствах, даже частичная реализация отношений планомерной организации производства (как и других первых ростков социализма) продемонстрировала свой огромный и до конца еще далеко не реализованный потенциал.

Для того, чтобы этот потенциал раскрылся, теоретическое исследование ПООП должно ответить на вопросы, на которые ни ранее предпринимавшиеся теоретические изыскания, ни практика реального социализма не смогли дать удовлетворительных ответов. Вот только лишь часть из этих вопросов:

Коммунизм мыслился как «свободная и равная ассоциация тружеников», которая должна опираться на широкое самоуправление трудящихся. Но на первой фазе коммунизма (а, вероятно, и далее) является необходимым управление профессиональное (в том числе на макроуровне), в рамках которого не мнение, а знание, не большинство голосов, а профессиональная компетенция являются единственно возможной основой принятия решений. Но если это так, то как должно функционировать общество, чтобы социальная группа высших управленцев не превращалась в замкнутую касту, передающую по наследству свой статус и привилегии?

Из этого вопроса логично вытекает и другой. Труд по надзору и управлению является высококвалифицированным, сложным трудом и, следовательно, при социализме он должен лучше оплачиваться. Но как обеспечить распределение именно по труду, как оградить его от злоупотребления монополизированной позицией квалифицированного труда управленцев в общественном разделении труда?

И еще один вопрос. Советская модель плановой системы продемонстрировала явную неудачу в настройке экономики на удовлетворение конкретных запросов потребителей, проигрывая в этом деле товарному хозяйству. Можно сказать, что плановая система фактически и не создала собственного механизма ориентации производства на конкретные потребности людей, не обеспечила обратной связи между потреблением и производством. А каков же может быть механизм такой связи в самой системе отношений ПООП?

Думается, в будущем обязательно откроются и будут внедрены необходимые, адекватные, перспективные формы и способы разрешения внутренних противоречий плановой системы. Но и тогда опыт реального планового хозяйства, как негативный, так и положительный, сохранит ценность для сторонников социалистических преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- XV съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М.–Л.: ГИЗ, 1928. – XIV, 1416 с.
- XVII съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М.–Л.: Партиздат, 1934. – VI, 716 с.
- Землячка Р.С.* Боевые вопросы потребительской кооперации // *Большевик*. 1931. № 1.
- Колганов А.И.* Путь к социализму: пройденный и непройденный. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2018. – 398 с.
- Колганов А.И.* Экономическая загадка Победы // *Вопросы политической экономики*. 2020. № 2(22). С. 21–35. DOI: 10.5281/zenodo.3893432
- Колганов А.И.* Партмаксимум // *Альтернативы*. 2022. № 1. С. 74–84.
- Ленин В.И.* Письмо в Политбюро ЦК РКП(б). 18 марта 1922 г. В кн.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Государственное издательство политической литературы, 1970. – VII, 729 с.
- Отчет Центральной контрольной комиссии РКП(б) XIII съезду партии. Май 1923 – май 1924. М.: ЦКК РКП(б) и НК РКИ, 1924. – 252 с.
- Отчет ЦКК РКП(б) XIV съезду партии. Май 1924 – декабрь 1925. М.: ЦКК РКП(б) и НК РКИ, 1925. – 340 с.
- Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о приговорах по политическим делам. 5 ноября 1924 г. В кн.: Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. – 910 с.
- Резолюция XII конференции РКП(б) «О материальном положении ответственных работников». В кн.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) – 9-е изд., доп. и испр. В 16 томах. Т. 3: 1922-1925. М.: Политиздат. – 494 с.
- Роговин В.З.* Власть и оппозиции. Глава XXIX. Неравенство, привилегии и роскошь. М.: Товарищество «Журнал „Театр“», 1993. – 400 с.

Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. В кн.: Сталин И.В. Соч. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. – 426 с.

Экономика Победы: уроки истории и современность (К 75-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне). / Отв. редактор М.И. Воейков. М.: Институт экономики РАН, 2020. – 158 с.

Ярославский Е. О партколлегиях Комиссии Партийного Контроля // Правда. 5 марта 1934. С. 3.

Kornai János. Economics of shortage. Volume A. Amsterdam; New York; Oxford: North-Holland Pub. Co., 1980. – 631 p.

Информация об авторах

Колганов Андрей Иванович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

(E-mail: onaglo@mail.ru) (elibrary AuthorID: 186642) (ORCID: 0000-0003-2223-7538)

Худокормов Александр Георгиевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

(E-mail: akhudo52@mail.ru) (elibrary AuthorID: 50430658) (ORCID: 0000-0001-7901-2108)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

XV Congress of the CPSU(b). Stenographer. Report. Moscow: GIZ, 1928. – XIV, 1416 p. (In Russ.)

XVII Congress of the CPSU(b). Stenographer. Report. Moscow: Partizdat, 1934. – VI, 716 p. (In Russ.)

The formation of an integrated city-village system as a factor in the structural modernization Economy of Victory: Lessons from History and the Present (To the 75th Anniversary of the Victory of the USSR in the Great Patriotic War). Resp. ed. M.I. Voeikov. M: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. – 158 p. (In Russ.)

Kolganov A.I. The path to socialism: passed and unpassed. Ed. 2-E. M.: LENAND, 2018. – 398 p. (In Russ.)

Kolganov A.I. The economic riddle of the victory. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy.* 2020;2(22):21-35. DOI: 10.5281/zenodo.3893432 (In Russ.)

Kolganov A.I. Party Maximum. *Al'ternativy=Alternatives.* 2022;(1):74-84. (In Russ.)

Kornai János. Economics of shortage. Volume A. Amsterdam; New York; Oxford: North-Holland Pub. Co., 1980. – 631 p.

Lenin V.I. Letter to the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (b). March 18, 1922. In: Lenin V. I. Coll. Works. 5 ed. Vol. 45. M.: State Publishing House of Political Literature, 1970. – VII, 729 p. (In Russ.)

Report of the Central Control Commission of the Russian Communist Party(b) to the XIII Party Congress. May 1923 – May 1924. M.: Central Control Committee of the RCP(b) and NK RKI, 1924. – 252 p. (In Russ.)

Report of the Central Control Committee of the Russian Communist Party(b) to the XIV Party Congress. May 1924 – December 1925. M.: Central Control Committee of the RCP(b) and NK RKI, 1925. – 340 p. (In Russ.)

Resolution of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party(b) on sentences in political cases. November 5, 1924. In: Lubyanka. Stalin and the CHEKA – GPU – OGPU–NKVD: Stalin's archive. Documents of the highest organs of party and state power. January 1922 – December 1936. M.: MFD, 2003. – 910 p. (In Russ.)

Resolution of the XII Conference of the Russian Communist Party (b) «On the financial situation of responsible workers». In: The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898-1988) – 9th ed., supplement. and corr. in 16 volumes. Vol. 3: 1922-1925. M.: Politizdat. – 494 p. (In Russ.)

Rogovin V.Z. Power and the opposition. Chapter XXIX. Inequality, privilege, and luxury. Moscow: Partnership «Theater Magazine», 1993. – 400 p. (In Russ.)

Stalin I.V. The new situation – new tasks of economic construction. In: Stalin I.V. Soch. Vol. 13. M.: State Publishing House of Political Literature, 1951. – 426 p. (In Russ.)

Yaroslavsky E. About the Party collegiums of the Party Control Commission. Pravda. 1934. March 5. P. 3. (In Russ.)

Zemlyachka R.S. Combat issues of consumer cooperation. Bolshevik, 1931;(1). (In Russ.)

Information about the authors

Andrey I. Kolganov – Doctor of Economics, Chief of the Laboratory of the comparative studies of socio-economic systems, Lomonosov Moscow State University, Economic Faculty, Moscow, Russia.

(E-mail: onaglo@mail.ru) (elibrary AuthorID: 186642) (ORCID: 0000-0003-2223-7538)

Alexander G. Khudokormov – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of History of National Economy and Economic Studies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

(E-mail: akhudo52@mail.ru) (elibrary AuthorID: 50430658) (ORCID: 0000-0001-7901-2108)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 20.01.2025; одобрена после рецензирования: 10.02.2025; принята к публикации: 14.02.2025.